

УД К 821.161.1.-1 Бродский”19”

*Светлана Александровна Фокина,
Анна Косенкова
Одесса, Украина*

ФЕНОМЕН ЗЕРКАЛЬНОСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО “НИОТКУДА С ЛЮБОВЬЮ...”

В статье представлено осмысление смыслопорождающего потенциала феномена зеркальности в стихотворении И. Бродского “Ниоткуда с любовью...”. В поле исследования также вошли такие показатели авторского мира поэта, явленного в тексте, как трансформация античных мифологем, интерпретация символики зеркала, интертекстуальные отсылки к творчеству Овидия, Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина.

Ключевые слова: феномен зеркальности, смыслопорождающий потенциал, метаморфозы, самопознание, мифологема.

Актуальность данного исследования обусловлена неугасающим интересом мысли литературоведов, семиотиков и культурологов к феномену зеркальности. В контексте изучения наследия И. Бродского проблема зеркальности открывает возможность взгляда на творчество поэта во всей его автометаописательной и символической поливалентности.

Ситуация изученности лирики И. Бродского представляется неоднозначной. Несомненно, накоплен обширнейший исследовательский багаж различных интерпретаций текстов И. Бродского. И всё же бродсковедение содержит достаточно лакун. Одной из таких лакун является выявление феномена зеркальности в стихотворении “Ниоткуда с любовью...”. Среди стратегий анализа, применяемых к данному лирическому посланию, в качестве наиболее основательных следует назвать изучение структуры авторского “я” В. Куллэ [8], выявление пространственно-временной организации в статье Л. Крыловой [7], определение И. Фоменко смыслообразующей роли стихотворения как зачина цикла “Части речи” и гоголевского подтекста в нём [15]. Кроме того, имеется достаточно исследований, сосредоточенных на специфике и самобытности других лирических текстов или же циклов И. Бродского, но при этом так или иначе включающих

в своё поле истолкование стихотворения “Ниоткуда с любовью...”. Несмотря на столь широкий научный поиск бродсковедов, без внимания остался феномен зеркальности, несомненно, обусловивший своеобразие лирического послания “Ниоткуда с любовью...”.

Цель статьи: осмысление стихотворения И. Бродского “Ниоткуда с любовью” в контексте авторской интерпретации феномена зеркальности.

В соответствии с поставленной целью намечены следующие **задачи:**

- ❖ Выявить культурные доминанты, определяющие символическую и знаковую специфику феномена зеркальности.

- ❖ Изучить смыслопорождающий потенциал феномена зеркальности в контексте авторского мифа И. Бродского.

- ❖ Анализ системы образов и символов лирического послания “Ниоткуда с любовью...”, соотносящихся с темой зеркала и Зазеркалья.

Согласно символической традиции, зеркало — символ “связи нашего мира с параллельным” [5, с. 184]. Характерно бытующее в культуре утверждение амбивалентности феномена зеркальности. Именно зеркало представлялось “символом памяти, запечатлевшим всё, что когда-либо в нём отражалось” [5, с. 184]. Согласно поверьям, “в глубине зеркал можно увидеть будущее” [5, с. 184]. Такой аспект культурной традиции наделял зеркало как семиотический объект не только магическим, но и предсказательным потенциалом. Отражательная способность зеркал была своеобразно переосмыслена христианским мистиком Якобом Бёме. Родоначальник софиологии трактовал феномен зеркальности в контексте истолкования адамова грехопадения, которое “заклучалось в присвоении” Адамом “Божественной прерогативы отражения в зеркале” [5, с. 185]. Именно адамово грехопадение, по мысли Я. Бёме, спровоцировало “расщепление первоначального духовного единства, зеркального отражения человека от Бога” [5, с. 185].

Не менее знаковой становится идея, зародившаяся в XVIII веке, что “зеркато выявляет истинную сущность человека” [5, с. 185].

Показательно внимание исследователей к феномену зеркальности как обладающему неисчерпаемой символической заряженностью. Среди наиболее знаковых исследований этой проблемы следует назвать один из выпусков Учёных записок Тартуского университета

“Труды по знаковым системам № XXII: Зеркало. Семиотика зеркальности”.

С точки зрения Л. Н. Столовича, зеркало “будучи универсальным отражателем <...> создаёт мир сверхреальный, иллюзорно-зеркальный” [12, с. 45]. Не менее показательным фактором для феномена зеркальности, по определению С. Т. Золяна, становится возможность представить реальность как “мнимое, кажущееся отражение истинного мира” [6, с. 39], в этом случае зеркало способно показать “истинную суть смотрящего в него” [6, с. 39]. Отражательная способность наделяет зеркальные поверхности способностью “выступать как модель вестника, вообще, источника или передатчика сообщений” [9, с. 9]. В то же время, кроме информативной функции и стимуляции самопознания, “таинственность зеркального отражения — стимулятор воображения” [12, с. 46]. Фактор воображения и даже грезовидения соотносимый с феноменом зеркальности, наделяет последний значительным смыслопорождающим потенциалом.

Показательна роль феномена зеркальности и в стихотворении И. Бродского “Ниоткуда с любовью...”.

*Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваши, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбогах;
я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих;
поздно ночью, в уснувшей долине, на самом дне,
в городке, занесённом снегом по ручку двери,
извиваясь ночью на простыне —
как не сказано ниже по крайней мере —
я взбиваю подушку мычащим “ты”
за морями, которым конца и края,
в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя. [2, с. 398]*

Стихотворение написано в 1975 году после отъезда И. Бродского из СССР и проникнуто духом изгнания. Одним из центральных в тексте становится образ безумного зеркала. Тема безумного зеркала и Зазеркалья вначале стихотворения решается как проявление искажен-

ности мира. Характерно, что лирический герой в поэтической системе И. Бродского принципиально автобиографичен. Не исключением является и лирическое послание “Ниоткуда с любовью...”. Но адресат послания сознательно оказывается неясен, размыт и неизвестен:

*дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить...*

Коды любовного послания, присутствующие в тексте задают образ адресата. Данный адресат имеет прототип, отношения с которым были сложные, многогранные и неоднозначные. Речь идёт о Марине Басмановой, талантливой художнице, близкой подруге и музе И. Бродского. В книге Л. Лосева рассказывается о любви И. Бродского к ней и том влиянии, которое ее образ оставил в лирике поэта. “Бродскому не было и двадцати двух лет, когда он 2 января 1962 года познакомился с Мариной Басмановой. Молодая художница была почти на два года старше. Умная, красивая женщина производила сильное впечатление на всех, кто с ней встречался. <...> Бродскому она казалась воплощением ренессансных дев Крапах (в частности, он имел в виду эрмитажную “Венеру с яблоками”). <...> Стихи, посвящённые “М. Б.”, центральны в лирике Бродского не потому, что они лучшие — среди них есть шедевры и есть стихотворения проходные, — а потому, что эти стихи и вложенный в них духовный опыт были тем горнилом, в котором выплавилась его поэтическая личность” [10, с. 72-73]. А. Ахматова, характеризуя впечатление, производимое М. Басмановой, заметила: “Тоненькая... умная... и как несёт свою красоту! <...> Одна холодная вода” [10, с. 72].

Именно образ зеркала стимулирует двойное определение адресата. Феномен зеркальности включает в свой смысловой спектр два принципиально важных фактора — самопознания и двойничества. Зеркала наделены особенностью отражать двойника, “и в качестве такового может выступать “мой жених” (“моя жена”)” [6, с. 37]. В контексте авторского мифа в стихотворении совмещаются биографические подробности, значимые для И. Бродского, античные мифологемы, символика и интертексты, связанные с Зазеркальем.

Ироническое указание датировки “надцатого мартабря” становится отсылкой к “Запискам сумашедшего” Н. В. Гоголя: “Мартобря 86 числа. Между днём и ночью” [4, с. 178]. Но помимо введения гого-

левского пласта в текст стихотворения акцентируются и античные ассоциации. Достаточно вспомнить, что, согласно легенде, изначально древнеримский календарь начинался с марта и завершался декабрём: “... Ромул разделил год на 10 месяцев (март — декабрь)” [3, с. 216].

Античные мотивы задаёт и тема забвения, имплицитно вводя в текст мифологему Леты — реки “в царстве мёртвых, испив воду которой, души умерших забывают свою былую земную жизнь” [13, с. 315]:

*...ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваши, но
и ничей верный друг...*

В античности Лета представлялась ещё и необходимым средством для постижения запредельного. В статье А. Тахо-Годи “Лета” указывается: “согласно сообщению Павсания (IX, 39, 8), вблизи пещеры Трофония в Лейбадее (Беотия) пришедшие воспросить знаменитые оракулы предварительно пьют воду из двух источников: Леты — забвения, чтобы забыть о заботах и волнениях, и Мнемосины — памяти, чтобы запомнить услышанное и увиденное в пещере” [13, с. 315]. Лета как персонификация забвения, в то же время актуализирует значение памяти.

Кроме того, река Лета как водная стихия становится в стихотворении И. Бродского модификацией безумного зеркала и Зазеркалья. Характерно, что зеркало, таким образом, одновременно в тексте становится амбивалентным символом памяти и забвения.

Зазеркалье как примета странного мира — “автономного от нашего мира, — своего рода антимира” [9, с. 11] — своеобразный знак авторского истолкования жанра послания. По определению И. В. Фоменко, в стихотворении воссоздаётся тип письма, обращённого к “несуществующему или условному адресату” или даже писем, “которые некому отправлять” [15, с. 190]. Это своего рода “”записки самому себе”, где можно о чём-то не говорить” [15, с. 190]. Согласно утверждению Ю. Левина, “непроницаемость зеркала <..> безмолвность и неосязаемость изображения соотносят изображение со сновидениями, призраками и вообще с иным потусторонним миром” [9, с. 8]. В лирическом послании И. Бродского своего рода призраками становятся воспоминания о возлюбленной, родине и прежней жизни.

Трансформация мифологем трёх китов, на которых держится Земля, а также античного Атланта, удерживающего небосвод, задаёт

указание нахождения автора послания. Данный локус подразумевает Америку, одним из символов которой является ковбой. Лирический герой находится в стране чудес — Зазеркалье, являющейся оппозицией покинутой родине. Адресатом лирического послания становится возлюбленная — отражение его самого и своего рода наваждение.

Исповедальное начало лирического послания соотносится в подтексте с признанием греха гордыни и следствием отдалённости от адресата и взаимной отрешённости лирического героя и Бога:

*я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих...*

Принятие наказания моделируется по античному аналогу мук Сизифа и Тантала, а налагаемой карой оказывается изгнание и одиночество. В данном контексте строка “*извиваясь ночью на простыне*” отражает нескончаемое переживание боли и страдания. В то же время, это отсылка к жизни и творчеству Овидия. Достаточно вспомнить изгнание Овидия и то, что он автор “Метаморфоз”.

В тексте И. Бродского метаморфозы также присутствуют. Возможность прохождения метаморфоз соотносится с темой безумного зеркала. По утверждению физиономиста XVIII века Жанбатиста де ла Порти, “через кривые зеркала выявляется истинная животная, тотемная сущность человека” [5, с. 185]. Лирический герой отождествляет себя со змеей: “*извиваясь ночью на простыне*”; далее с мычащим животным: “*я взбиваю подушку мычащим”ты*””. Мычащая ипостась указывает на безмерную грусть, отчаяние, тоску и, в то же время, становится знаком проклятия.

С точки зрения С. Ю. Артёмовой, именно “акт говорения творит утерянный было лирическим героем мир”, а “черты адресата возникают непосредственно после произнесения “мычащего ты”” [1, с. 203]. Но при этом не менее важен фактор автоиронии, который, совмещаясь с кодом любовного послания, делает текст перформативным. Перформативная наделённость высказывания возможностью производить действие соответствует заклинательной функции, что способствует “как переживанию вместе с коммуникативным партнёром магического обряда, так и самопознанию” [14, с. 114]. Перформативность высказывания в лирическом послании И. Бродского соответствует феномену зеркальности. Именно зеркало в стихотворении И. Бродского оказывается тем предметом, который позволяет осуще-

ствиться любовному заговору. Зеркало становится волшебным предметом, символически воплощая в себе потенциал поэтического слова.

Прохождение метаморфоз не противоречит идее зеркальности, а даже наоборот, подчёркивает возможность самого зеркала переживать метаморфозы. Завершением метаморфоз становится превращение лирического героя в зеркало, отражающее черты возлюбленной. Такое истолкование проявлений зеркальности задаёт тему колдовства, при этом в игровом ключе трансформируя отсылку к пушкинской “Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях”:

*“Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?”
И ей зеркальце в ответ:
“Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее”. [11, с. 635].*

Любящий, уподобленный волшебному зеркалу в тексте И. Бродского, обречён на одержимость памятью о возлюбленной. Пушкинская реминисценция позволяет решить тему неизбывности страсти и непреодолимости разлуки одновременно в лирическом и ироническом ключе, соответствуя тону всего стихотворения. Такая двойственность, эксплицируя трагическое и игровое начало, активизирует смыслопорождающий и своего рода отражательный процесс, заданный безумным зеркалом.

В конце стихотворения открыто явлен образ зеркала:

*в темноте всем телом твои черты,
как безумное зеркало повторяя.*

Слово *темнота* здесь, возможно, означает тёмное царство — подсознание. Появляется принципиальное расхождение с начальными строками. Лирический герой помнит всё до малейших подробностей и обречён на бесконечное переживание разлуки.

Призрачность самого лирического героя, погрузившегося в забвение, требует отражения в ином мире. Лишь зеркало способно создать онирическое пространство, совмещающее несовместимое: сон и реальность, — и в этом пространстве приблизить лирического героя к его возлюбленной, утраченной в прошлом и родине.

Список использованной литературы

1. Артёмова С. Ю. Человек vs. поэт в цикле “Части речи” / С. Ю. Артёмова // Иосиф Бродский : проблемы поэтики: [сб. науч. трудов и материалов] / [ред.: А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артёмова]. — М.: НЛО, 2012. — С. 199—207.
2. Бродский И. А. Ниоткуда с любовью... / И. А. Бродский // Собр. соч.: в 4 т. — Т. 2. / [сост. Г. Ф. Комаров]. — СПб.: Пушкинский фонд, 1994. — С. 398.
3. Волевич И. Комментарии / И. Волевич // Киньяр П. Альбуций : [роман] / [пер. с франц. И. Волевич]. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — С. 214-233.
4. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего / Н. В. Гоголь // Собр. соч.: в 8 т. Т. 3.: Повести / [под ред. М. П. Громова]. — М.: Правда, 1984. — С. 164-184.
5. Зеркало // Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / [авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын]; [под общ. ред. В. Л. Телицына]. — М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. — С. 184-186.
6. Золян С. Т. “Свет мой, зеркальце, скажи...” (К семиотике волшебного зеркала) / С. Т. Золян // Учёные записки Тартуского государственного университета: Труды по знаковым системам № XXII : Зеркало. Семиотика зеркальности. К семиотике зеркала и зеркальности. — Тарту, 1988. — С. 32—44.
7. Крылова Л. А. Пространственно-временная организация стихотворения И. Бродского “Ниоткуда с любовью...” / Л. А. Крылова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения : [междуз. сб. науч. тр.]. — М.: Московский гос. обл. университет, 2004. — С. 169-172.
8. Куллэ В. Структура авторского “я” в стихотворении Иосифа Бродского “Ниоткуда с любовью” / В. Куллэ // Новый журнал. — 1990. — Кн. 180. — С. 159—172.
9. Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект / Ю. И. Левин // Учёные записки Тартуского государственного университета: Труды по знаковым системам № XXII: Зеркало. Семиотика зеркальности. К семиотике зеркала и зеркальности. — Тарту, 1988. — С. 6—24.
10. Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Л. Лосев. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 447 с.
11. Пушкин А. С. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях // А. С. Пушкин. Поли. собр. соч.: в 10 т. — Т. 4. Поэмы, сказки. — Л.: Наука, 1977. — С. 344-357.
12. Столович Л. Н. Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель / Л. Н. Столович // Учёные записки Тартуского государственного университета: Труды по знаковым системам № XXII: Зеркало. Семиотика зеркальности. К семиотике зеркала и зеркальности. — Тарту, 1988. — С. 45-51.
13. Тахо-Годи А. Лета / А. Тахо-Годи // Мифология. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. Е. М. Мелетинский]. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.-С. 315.
14. Фокина С. А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой “Скифские” / С. А. Фокина // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. — № 130: Studia Russologica V. — Krakow : Copiright Wydawnictwo Naukowe, 2013. — С. 106—116.
15. Фоменко И. В. Цикл “Части речи”: опыт интерпретации / И. В. Фоменко // Иосиф Бродский: проблемы поэтики: [сб. науч. трудов и материалов] / [ред.: А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артёмова]. — М.: НЛО, 2012. — С. 187—198.